РОЗА КАК ХРИСТИАНСКИЙ СИМВОЛ НА КНЯЖЕСКИХ БУЛЛАХ ИЗЯСЛАВА ЯРОСЛАВИЧА

Розетка была излюбленным мотивом древних греков, римлян и византийцев. Розетки (т.е. «розочками») называются стилизованные рисунки лепестков, помещенных внутри кругового ободка, или вокруг которых можно было бы очертить круговой ободок, а также их разновидности. Этот древнейший мотив, имеющий восточное происхождение и распространенный по всей Европе, был рано заимствован христианским искусством. Ранние христиане в I–III вв. еще считали его применение нежелательным¹, однако позднее розетки заняли свое место в системе христианской символики наряду с другими некогда языческими эмблемами. Любой реально существующий или воображаемый цветок (и комбинация цветков) может составить розетку, которая, таким образом, не является непременно розой. Однако даже цветы, своим внешним видом не напоминающие розы, идентифицировались именно как розы, носившие религиозную семантику, если это вытекало из их иконографической позиции. Самыми популярными цветами, составившими розетки в Византии, оказались лотос, миндаль и нивяник/маргаритка². Толкование символики розеток в значительной мере зависит от контекста их появления. Участвовавшее применение розеток с иконографической функцией в христианском искусстве имело воздействие на рост их популярности в орнаментике, где розетки выступали в качестве украшений без самостоятельного значения.

Изображение розы как цветка Эдемского сада впервые появилось в стенных росписях катакомб и в актах мучеников³. Красный цвет розы напоминал пролитую кровь претерпевших страдания за веру в Спасителя⁴. На воспроизводящих райские пейзажи христианских фресках и мозаиках в Византии часто встречаются цветущие розы. Они олицетворяют мучеников в Царстве Божьем⁵. Если розетка имела четыре лепестка, она образовывала форму греческого или Андреевского креста. Изображенные на крестах розы становились символами страстей Господних. На оборотной стороне срединной доски «Триптиха Харбавиля» (великолепный экземпляр византийских резных изделий по слоновой кости X или XI в.) помещен крест, украшенный пятью совершенно правдоподобными головками роз, символизирующих пять ран Христа⁶. В точке пересечения брусьев «древа жизни», вырезанного на обороте константинопольского триптихона из слоновой кости (X в.), находятся стилизованные цветки роз, состоящие из четырех concentрических кругов лепестков, а в концах брусьев находятся розетки, непохожие на розы⁷. Пять дискообразных розеток, окаймленных полукруглыми зубцами, изображены на кресте миниатюры, открывающей «Библию Бернварда» XI в.⁸ В иллюстрации византийской Псалтири 1078 г. розетки, расположенные на вершине вертикального и в концах горизонтального бруса «древа жизни», напоминающие о страданиях Христа, вставлены в золотые диски, обозначающие святую вечность. Шесть красных (цвет крови) и синих (цвет страстей) лепестков, размещенных в каждом из трех золотых дисков, указывают на количество дней творения мира⁹.

Восьмилепестковые розетки в форме греческого креста вышиты на сохранившихся обрывках паволоки княжеской одежды из гробницы Андрея Боголюбского во владимирском Успенском соборе¹⁰. Официально канонизированный лишь в XVIII в., князь

* **Сили Шандор**, PhD, научный сотрудник Центра русистики университета им. Лоранда Этвеша (Будапешт, Венгрия).

почитался как местночтимый святой непосредственно после своей гибели. В повести, написанной вскоре после его убиения, подчеркивается мученический характер смерти князя¹¹. Среди миниатюр, украшающих рукопись славянского перевода эсхатологического сочинения «Слово Ипполита Римского о Христе и Антихристе» (конец XII – начало XIII в.), имеется изображение князя, идентификация личности которого не поддастся достоверному определению из-за плохой сохранности красочного слоя с нимбом, держащего крест мучеников в правой руке и модель храма в левой. Узор его кафтана написан в виде восьмилепестковых розеток в квадратах, круговое обрамление которых выполнено в виде инкрустации из жемчугов¹². Из вышесказанного вытекает, что на Руси также были хорошо знакомы с мариологической символикой розеток.

Лицевая сторона княжеских булл Киевской Руси, как правило, содержала языческое имя владельца печати (а порой и его изображение), а обратная сторона представляла святого патрона и передавала крестильное имя князя. Дошедшие до нас княжеские буллы, атрибутированные как принадлежащие кн. Изяславу Ярославичу (в крещении – Димитрию), подразделены В.Л. Яниным на три типа. Во время новгородского правления Изяслава (1052–1054 гг.) на лицевой стороне его печати был помещен «княжеский знак» в окружении греческой круговой надписи («Господи, помоги рабу Своему Димитрию»). Обратная сторона буллы носит изображение св. Димитрия Солунского в полный рост с нимбом. Это вполне традиционная княжеская печать, с той разницей, что на аверсе, как и на реверсе, вырезано греческое имя князя: «Демитриос». В периоды княжения в Киеве (1054–1068, 1069–1073, 1077–1078 гг.) Изяслав Ярославич, согласно гипотезе Янина, не опровергнутой в историографии, пользовался буллами двух типов, отличающимися от привычного облика древнерусских княжеских печатей. На их лицевой стороне нет инскрипции. На аверсе матрицы буллы, считавшейся, по стилистическим атрибутам, более ранней из киевских печатей Изяслава, вырезана четырехлепестковая розетка в форме греческого креста, а на реверсе – окруженная греческой надписью человеческая фигура в полный рост с императорской короной на голове и с царскими регалиями в руках (или с копьем и щитом)¹³. Лицевую сторону его киевской буллы, оттиснутой предположительно более поздней матрицей, украшает пышная многолепестковая розетка. На оборотной стороне печати видно поясное изображение св. Димитрия Солунского в нимбе, с копьем в правой руке, со щитом в левой. По сторонам от святого расположены греческие надписи¹⁴.

Какое происхождение имеют и какое символическое содержание несут розетки на печатях Изяслава Ярославича? Я исхожу из гипотезы, согласно которой эмблемы на княжеских буллах древней Руси (как и в других странах), с одной стороны, идентифицировали личность владельца, а с другой – отражали его социальный статус и изменения в нем. Едва ли возможно говорить об одном лишь декоративном изображении на аверсе либо на реверсе печати. Подобные примеры в сфрагистической практике западноевропейских, византийских, восточнославянских государей отсутствуют. Однако символика княжеских булл Изяслава Ярославича является не до конца расшифрованной, особенно в той ее части, которая касается истолкования розетки.

Известные нам древнерусские княжеские буллы со времен принятия христианства всегда несли в себе христианские символы, прежде всего, изображение небесного покровителя. Однако на первой киевской печати Изяслава Ярославича фигура св. Димитрия была секуляризирована: она потеряла нимб, имевшийся еще на новгородских печатях, зато коронована, а вместо копья наделена скипетром¹⁵. Вследствие этих преобразований фигура стала олицетворением самого князя: унаследовав киевское княжение, Изяслав изобразил на печатях, оттиснутых в Киеве, собственный портрет¹⁶. В короне, напоминающей стемму византийских императоров (вместо обычной княжеской шапки), можно видеть его желание выразить свое первенство среди остальных членов княжеской семьи (по отцовскому завещанию) либо даже свое единодержавие (против воли отца). Первые 19 лет по смерти Ярослава Мудрого известны в историографии как эпоха «триумvirата». В это время трое старших братьев (Изяслав, Святослав и Всеволод) оттеснили других членов княжеской семьи и управляли Русью совместно. А.В. На-

заренко путем анализа западно-европейских источников выявил, что с конца 1060-х гг. старшие братья стремились к созданию династических коалиций, направленных друг против друга¹⁷. Появление императорского венца на буллах второго типа князя Изяслава и бунт Святослава и Всеволода в 1073 г. можно объяснить и тем, что поведение старшего из братьев не соответствовало духу отцовского завещания¹⁸. До последней трети XI в. киевские князья, принявшие христианство, порой помещали на своих печатях свой портрет, нередко с диадемой, напоминающей византийский монарший венец. Святослав Изяславич на некоторых ранних своих печатях изобразил себя сидящим на престоле, наподобие константинопольских императоров, притом даже с нимбом¹⁹. После смерти Ярослава Мудрого буллы с княжеским портретом были отчиснуты лишь по велению Изяслава и Святослава Ярославичей²⁰. Печати всех позднейших киевских князей, включая и Всеволода Ярославича, имеют на одной стороне изображение святого патрона, а на другой благочестивые надписи²¹. Противоречие между действительным положением дел (фактически коллективной формой правления) и символикой печатей двух старших Ярославичей позволяет судить о том, какие причины привели к выступлению младших братьев против Изяслава в 1073 г.

Лицевую сторону первой киевской печати Изяслава Ярославича украшала четырехлепестковая розетка в виде греческого креста. Крест в самых различных формах мог использоваться в Византии как эмблема императорской власти. И все-таки я считаю более вероятным, что розетка, сменившая на аверсе буллы второго типа греческую инскрипцию новгородской печати Изяслава Ярославича, была именно христианским символом (вследствие секуляризации изображения св. Димитрия), ибо портрет «князя Димитрия» в короне и со скептром в руке должным образом выразил суть послания печати. Розетка на лицевой стороне буллы почти тождественна по своей форме розетке на щите св. Димитрия, изображенного на эмалевой миниатюре обруча венгерской святой короны, созданной в ту же эпоху и имеющей византийское происхождение²². Почти так же выглядит и четырехлепестковая розетка в центре щита св. Димитрия Солунского на мозаике собора Михайловского Златоверхого монастыря в Киеве, изготовленной около 1112 г.²³ Этот мотив (в форме Андреевского креста) активно использовался в орнаментике фронтисписов «Изборника Святослава 1073 г.». Знаковыми атрибутами св. Димитрия на его иконах, где он изображен как воин, являются копье, щит и крест. Таким образом, символика четырехлепестковой розетки одновременно указала и на мученика Димитрия Солунского, и на приверженность Изяслава христианству. Как не могла быть случайностью метаморфоза печати Изяслава, верно отразившая изменение в статусе князя, переселившегося из Новгорода в Киев, так и дальнейшие видоизменения буллы должны были соответствовать бурным событиям борьбы за киевский престол.

В 1073 г. Святослав и Всеволод Ярославичи, «преступивша заповедь отню»²⁴, изгнали Изяслава из страны. Свергнутый киевский князь бежал в Польшу. Однако князь Болеслав II не только отказал ему в помощи, но и ограбил его. Изяслав отправился ко двору германского короля Генриха IV, но не получил поддержки и там. Весной 1075 г. Ярополк, младший сын Изяслава, совершил поездку в Рим. Он просил у римского папы покровительства для себя и своих родителей. Григорий VII (1073–1085 гг.) не остался глух к просьбе. В письме, отправленном в Польшу в середине апреля 1075 г., понтифик призвал Болеслава II вернуть Изяславу отнятые богатства²⁵, а в послании к Изяславу и Гертруде он титуловал киевского князя и его супругу «гех» и «regina» «Ruscogum» (королем и королевой Руси). Григорий VII написал, что Ярополк «изъявив князю апостолов надлежащую верность» («apostolorum principi debita fidelitate exhibita»²⁶) и имея на то согласие от родителей («vesto consensu»), выразил желание держать названное «королевство» в качестве «дара св. Петра» («dono sancti Petri») в случае, если родители и он «даруются благосклонностью и защитой апостольской власти» («si apostolice auctoritatis gratia ac munimine donaretur»). Григорий VII передал Ярополку «бразды правления» («gubernacula») Русью, чтобы «блаженный Петр охранил вас, ваше королевство и все ваше имение своим перед Богом заступничеством, сподобил вас... вла-

деть названным королевством до конца своей жизни» («*Petrus vos et regnum vestrum omniaque vestra bona sua apud Deum intercessione custodiat et... idem regnum usque in finem vite vestre tenere vos faciat*»)²⁷. Эти строки означают, что папа распространил свое покровительство на изгнанную семью, члены которой, со своей стороны, готовы были в случае утверждения Ярополка на киевском столе признать верховную власть римского понтифика над Русью. Григорий VII предлагал вести дальнейшие переговоры. Из папского послания к Изяславу Ярославичу выясняется, что каналы общения между ними через «известного и верного друга» уже были апробированы²⁸.

Достоверность папского послания не подвергнута сомнению в историографии. Проблема разворачивается вокруг вопроса: были ли исполнены данные обещания? Нет никаких свидетельств о том, что после повторного вокняжения Изяслава в Киеве, он либо Ярополк поддерживали отношения с Римом. В контексте нашей темы важно то, что Изяслав, видимо, принял покровительство понтифика. Янин подчеркнул, что ни Григорий VII, ни Болеслав не оказали существенной поддержки Изяславу Ярославичу. В это время польский монарх состоял в союзе со Святославом и Всеволодом, братьями-противниками низверженного киевского князя, от которых в 1076 г. приехали вспомогательные вооруженные отряды для подкрепления польского войска, воевавшего с чехами²⁹. 25 декабря 1076 г. на голову Болеслава был возложен королевский венец, по мнению многих исследователей – с согласия папы римского³⁰. Т. Груджиньски, однако, выдвинул убедительные доводы в пользу того, что акт коронации произошел независимо от Григория VII, а содействие повторному восшествию Изяслава на киевский престол было самостоятельной инициативой новоиспеченного польского короля, продиктованной его собственными интересами³¹. Столь резкому повороту в союзнической политике Болеслава способствовала смерть Святослава Ярославича 27 декабря 1076 г. Поздней весной 1077 г. Изяслав Ярославич появился на Волыни во главе польских ратников³². Он заключил договор с Всеволодом Ярославичем, и в июле 1077 г. опять занял киевский престол. Однако 3 октября 1078 г. Изяслав погиб под Черниговом в битве с племянниками, боровшимися с Всеволодом Ярославичем за свои владения.

Находясь с 1073 г. в изгнании, продолжившемся приблизительно три с половиной года, Изяслав также нуждался в печати. Неизвестно, каким видом печати он пользовался³³. После визита его младшего сына в Рим Изяслав прожил на чужбине еще чуть более полутора лет. Скорее всего, он отдал распоряжение вырезать матрицу своей буллы третьего типа именно в этот период³⁴. Судя по месторасположению археологических находок его булл третьего типа (Киев, Новгород, Чернигов, Минск) печать с изображением многолепестковой розетки и св. Димитрия была использована Изяславом в течение своего киевского княжения, по всей вероятности в последний краткосрочный период 1077–1078 гг.

Реверс буллы третьего типа Изяслава Ярославича носит поясное изображение св. Димитрия с нимбом, копьем в правой руке и щитом в левой, согласно иконографическим правилам, с греческой надписью «святой Димитр[иос]». Самое важное сфрагистическое изменение по сравнению с печатью второго типа заключается в том, что Изяслав Ярославич вновь приказал вырезать на оборотной стороне буллы изображение святого патрона вместо своего портрета с короной, что, по моему предположению, было следствием изгнания киевского князя в 1073 г. Незадолго до своей смерти Изяслав Ярославич обратился к своему младшему брату Всеволоду: «Аще будет нама причастье в Руской земле, то обама, аще лишена будеде, то оба»³⁵. Эти слова принадлежат не единоподержцу, доминирующему над остальными членами княжеской династии. Снятие короны с человеческой фигуры, вырезанной на реверсе буллы Изяслава третьего типа, было выражением того, что, вернувшись из длительного зарубежного изгнания, он отказался от своих монархических претензий и ради примирения признал равноправным совладельцем Руси своего брата.

Аверс буллы третьего типа представляет собой многолепестковую розетку, больше всего напоминающую розу, лепестки которой размещены в двух концентрических окружностях. Но почему Изяслав изменил форму розетки? Янин считал обе розетки

орнаментальными, которые «не имеют... иных аналогий в русской сфрагистике»³⁶. Разноцветные розетки самой разнообразной формы (например, лестничной) действительно являлись излюбленным мотивом византийских миниатюр X–XI вв., прежде всего в виде греческого и Андреевского креста³⁷. Однако в отличие от розеток в византийских миниатюрах, которые всегда являются стилизованными мотивами, роза на буллах Изяслава Ярославича третьего типа оформлена пластично. Резчик, видимо, поставил своей целью выполнить ее так, чтобы опознание природы розетки не представляло трудности. Можно назвать несколько аргументов в пользу того, что розетка на аверсе буллы Изяслава Ярославича третьего типа является не орнаментом, а эмблемой с конкретным значением. 1) Общее свойство всех древнерусских печатей заключается в том, что их лицевая и оборотная стороны сообщают важную информацию о владельце буллы в виде какого-нибудь изображения и текста. 2) Если бы розетка была просто орнаментом, владелец буллы отказался бы от использования одной из сторон печати (половину всей поверхности) для передачи необходимой информации. 3) Обе розетки (четырёхлепестковая и многолепестковая) располагают в среде христианских символов таким содержанием, которое можно отнести к владельцу буллы. 4) Многолепестковая розетка на печати Изяслава Ярославича третьего типа по количеству и по форме лепестков в значительной мере отличается от изображения крестообразной розетки на его булле второго типа. Если мы принимаем гипотезу, согласно которой аверс прежней киевской печати князя носит в себе символическое содержание, то мы должны предположить то же самое и для его печати, возникшей позднее.

Попытка раскрыть значение многолепестковой розетки была предпринята лишь Э.А. Гордиенко. Она рассматривала ее как солярный знак, отразивший влияние древнейшего культа солнечных богов. По ее мнению, эмблема служила оберегом, охраняющим владельца печати своей магической силой³⁸. Исследовательница объясняла противоречие (одновременное использование языческих и христианских символов) тем, что в раннем христианском искусстве, якобы вдохновленном античной мифологией, солнце стало символом метафорическим эпитетом Христа³⁹. Для подтверждения своего тезиса о наличии синкретизма в религиозной символике восточных славян Гордиенко ссылалась на детали внутреннего убранства собора св. Софии в Киеве⁴⁰ и чеканные орнаменты серебряного оклада иконы «Апостолы Петр и Павел» из Новгорода⁴¹. Восьмилепестковые розетки, размещенные на окладе между клеймами с изображениями мучеников, а также в их нимбах⁴², по мнению исследовательницы, почти полностью совпадают с розетками, вырезанными на лицевой стороне третьей печати Изяслава Ярославича⁴³. Утверждения Гордиенко были косвенно опровергнуты Э.С. Смирновой, которая, не коснувшись темы княжеских булл, указала на то, что декоративные мотивы оклада иконы «Апостолы Петр и Павел» обнаруживаются на различных византийских изделиях X–XI вв., и, таким образом, не имеют какого-либо локального, специфически русского происхождения, а восходят к константинопольской традиции⁴⁴. Представляется, что в поисках ключа к пониманию значения данных розеток правильнее будет обращаться скорее к символам, уже переосмысленным и поглощенным раннехристианской культурой, нежели к пережиткам языческих знаков, еще не потерявших полностью своего культового содержания.

В случае варианта № 6 из числа фотографий и прорисей данной печати, опубликованных в 1970 г., оба концентрических круга составлены восемью лепестками. Число «8» в христианской символике указывает как на Воскресение Христа, так и на всеобщее воскресение мертвых и последующую за этим новую эру (так как после шестидневного творения Богом мира и до Страшного суда длится Седьмой день Господень. После Страшного суда будет день восьмой)⁴⁵. Св. Амвросий писал об этом в своем объяснении к псалму 47 так: «Своим воскресением Он освятит восьмой [день], и тот стал первым, который был восьмым, ибо из порядка чисел возымел преимущество, и из воскресения Господа освящение»⁴⁶. Начиная с V в. здания купелей часто строились на фундаменте, имевшем форму октаэдра⁴⁷.

Сначала Гордиенко⁴⁸, а потом и Янин⁴⁹ обратили внимание на то, что на булле № 7 из серии печатей Изяслава Ярославича третьего типа розетка появляется на обеих сторонах буллы: на аверсе сама по себе, а на реверсе в центре щита св. Димитрия⁵⁰. Но, если более внимательно присмотреться к иллюстрациям, легко можно констатировать, что мы имеем дело с изображениями разного вида розеток. Различие особенно заметно на фотографиях, опубликованных в третьем томе «Актовых печатей Древней Руси». Розетка на аверсе буллы составлена из семи кругловатых лепестков, помещенных в двух окружностях, а середину щита св. Димитрия украшает традиционно представленный цветок нивяника (или маргаритки), который состоит из восьми овальных лепестков, расположенных по одному кругу. Трудно поверить, что резчик, при желании, не смог бы оформить розетки единообразно. Восемилепестковая розетка на щите св. Димитрия на реверсе печати Изяслава Ярославича выглядит почти так же, как восьмилепестковые розетки на серебряном окладе иконы «Апостолы Петр и Павел». Эту розетку можно считать символом мученичества св. Димитрия Солунского. Розетка же на лицевой стороне печати Изяслава Ярославича, видимо, имела другое значение, поскольку после того, как на реверсе опять было представлено изображение святого патрона князя, информация, сообщенная на аверсе буллы, должна была указывать на статус ее владельца.

Розетка на лицевой стороне буллы третьего типа является, по моему убеждению, розой, и в этом качестве она может быть воспринята лишь как эмблема Иисуса Христа. Розой я считаю ее, прежде всего, не потому, что она похожа именно на этот цветок. Кроме семейства сложноцветных (нивяники, маргаритки, ромашки) нет другого растения в ряду цветов, наделенных символическим значением в христианстве (лилия, роза, иссоп, нивяник, маргаритка, ромашка, левкой, нарцисс, ирис, пион), в библейском контексте которого данная розетка поддалась бы истолкованию. Христианская же семантика розы органически вписывается в символику печатей Изяслава Ярославича, и одновременно явно отличается от мотива восьмилепесткового нивяника (маргаритки), украшающего середину щита св. Димитрия на обороте буллы. Многолепестковая розетка в том виде, в котором она появляется на аверсе второй киевской буллы Изяслава Ярославича, представляет из себя неповторимое явление в древнерусской культуре. Поэтому я предполагаю, что оригинал матрицы был изготовлен за границей и привнесен на Русь после того, как перед Изяславом Ярославичем в связи со смертью Святослава Ярославича открылась возможность вернуть себе верховную власть в Киеве. Хотя Изяслав пересек границу в сопровождении польских войск, летописцы не уведомляют о вооруженных столкновениях. Всеволод поспешил встретить его на Волыни и добровольно передал ему власть, а потом уехал в свои родовые имения. Кажется, они договорились, что Изяслав откажется от мести и будет управлять страной в согласии с младшим братом. Неясно, обсуждался ли вопрос наследования престола⁵¹. Эмблема Иисуса Христа как нельзя лучше подходила к политике примирения, прощения и союза братской любви в духе отцовского завещания. Но почему Изяслав избрал символ, не имеющий прецедента на Руси?

«Золотая роза» (*rosa aurea*) стала символом признания папой выдающихся заслуг перед католической церковью в XI в. Самая ранняя запись, свидетельствующая о ее существовании, относится к 1049 г., когда папа Лев IX упомянул церемонию освящения цветка, изготовленного из благородного металла, как древнейший обычай⁵². Первое известное лицо, кому была пожалована «золотая роза», это Фулк (Foulques) IV, граф Анжу (правил в 1067–1109 гг.). Награда была вручена ему Урбаном II в Анже (Angers) перед началом крестового похода в 1096 г. В XI в. папская награда представляла из себя золотую розу с покрашенными в красный цвет лепестками⁵³. Позднее ее декорировали драгоценными камнями, а с середины XV в. она получила вид кустистой ветви с листьями, бутонами и розовыми цветками из золота. В 1163 г. папа Александр III так объяснил значение эмблемы французскому королю Людовику VII: «Цветок символизирует Христа как Короля, золото – его государство, а красный цвет – страсти Христова»⁵⁴. Глава католической церкви дарил золотую розу, освященную в базилике Иеруса-

лимского Святого Креста в Риме во время праздничной мессы в четвертое воскресенье Великого поста (Laetare).

Источника, который подтвердил бы предположение, что Григорий VII послал «золотую розу» Изяславу Ярославичу, не существует. Однако письменные или вещественные памятники отсутствуют и в случаях предыдущих дарений. Ярополк посетил Рим в марте–апреле 1075 г., и, согласно папскому посланию, вернулся к отцу вместе с эмиссаром Святого Престола. Сын Изяслава Ярославича находился в Ватикане как раз в тот период (или непосредственно до него), когда была отслужена литургия, на которой освящалась эта награда. «Золотая роза», посланная, по моему предположению, Изяславу Ярославичу, была вознаграждением за его согласие на то, чтобы Русь стала (наподобие Арагона, Хорватии и герцогства сицилийских норманнов) патримониальным имуществом князя апостолов св. Петра⁵⁵. Изданный Григорием VII «Диктат папы», сборник решений об авторитете главы католической церкви, датирован 1075 г. Пункт 12 гласил, что папа вправе низлагать императоров. Пожалование понтификом киевской короны Ярополку Изяславичу в обмен на признание вассальной зависимости Руси от Святого Престола могло послужить отличным прецедентом для претворения в жизнь обнародованного принципа. К тому же этот жест не мог вызвать сопротивления мирских и духовных вельмож и ущемить авторитет папы, как это произошло в случае конфликта вокруг инвеституры, вспыхнувшего в конце 1075 г., поскольку мощь Константинополя ослабла под ударами турок-сельджуков и сицилийских норманнов (последние являлись вассалами римского папы и распространителями католического влияния на южно-итальянских территориях, отвоеванных у Византии). Архетипом розетки на княжеских буллах Изяслава Ярославича третьего типа могла быть именно «золотая роза», полученная им от Григория VII. Поэтому данная розетка уникальна в древнерусской культуре и поэтому она оформлена на матрице печати так пышно⁵⁶.

В то же время признание Изяславом Ярославичем власти папы римского было весьма условным. Древнерусские буллы с образами святых патронов на обеих сторонах в первой половине XII в. отражали христианские имя и отчество владельца, а в предыдущее время выражали непосредственную иерархическую подчиненность владельца печати в отношении к тому лицу, чей патрон был изображен на реверсе буллы⁵⁷. Григорий VII стал первым из пап, который пользовался портретами святых Петра и Павла (с латинским крестом между ними) на лицевой стороне своей печати, а на обороте поместил титул и свое имя с порядковым номером⁵⁸. Если бы Изяслав Ярославич хотел выразить свою вассальную зависимость от Григория VII, он бы должен был поместить на своей печати образ Григория I (который был чтим как святой и православной Церковью). Однако Изяслав не давал клятвы верности Святому Престолу, как это сделал его сын Ярополк, следовательно, не считался подчиненным папе, будучи лишь протеже Григория VII. Символика княжеской буллы третьего типа выражала только то, что владелец печати получил крестильное имя Димитрия и находится под покровительством наместника Иисуса Христа на земле.

Церковная организация Руси в это время была разделена на три митрополии с центрами в стольных городах «триумвиров»⁵⁹. Киевский митрополит Георгий, который в 1072 г. безуспешно старался воспрепятствовать канонизации князей Бориса и Глеба, в 1073 г. вернулся в Константинополь⁶⁰. Возможно, он покинул свою кафедру из-за свержения с престола законного князя, хотя и сам состоял в конфликте с Изяславом Ярославичем. Киевская кафедра после ухода митрополита Георгия осиротела на несколько лет. Исполнение обязанностей главы русской Церкви Святослава Ярославич, по всей вероятности, возложил на Неофита, митрополита черниговского. Упоминание в источниках следующего киевского митрополита, Иоанна II, относится лишь к 1077 г.⁶¹ Неизвестно, когда он занял свою кафедру. Несмотря на то, что на стороне князя-изгнанника выступал влиятельный игумен Киево-Печерского монастыря Феодосий⁶², если Изяслав в противовес авторитету двух греческих митрополитов (черниговского и переяславского) хотел использовать в борьбе за киевский стол поддержку Церкви, он мог надеяться лишь на помощь папы римского. В то же время, демонстрируя покровительство понти-

фика, он рисковал тем, что его попытка реставрации своей власти в Киеве натолкнется на непримиримое сопротивление со стороны православного духовенства. М.Д. Приселков считал, что Изяслав Ярославич разорвал связи со своими католическими покровителями по возвращении на родину⁶³. Трудно сказать, насколько князя волновали подобные вопросы. В те же годы переговоры с Григорием VII о возможности примирения и сотрудничества против сельджуков вел и византийский император Михаил VII Дука (1071–1078 гг.). Дворцовый переворот в Константинополе поставил конец их осторожному сближению⁶⁴.

В историографии была выдвинута гипотеза, согласно которой Изяслав Ярославич в годы своей вынужденной эмиграции перешел в католичество. Однако такое предположение подтверждается лишь тем, что в 1076 г. князь подарил Гнезненскому кафедральному собору покров на раку св. Адальберта (Войтеха) по случаю нового освящения собора после нападения на костел и ограбления его чехами (видимо, князь присутствовал на этой церемонии)⁶⁵. Надпись на покрове, по мнению Назаренко, была сделана на церковно-славянском языке: «Молитвами святого Димитрия даруй, Всемогущий, многая лета рабу Твоему Изяславу, князю русскому, во отпущение грехов и взыскание Царствия небесного. Аминь. Во имя Твое, Господи, буди»⁶⁶. Но оригинал этой надписи до нас не дошел, сохранилась ее копия второй половины XV в. на латыни⁶⁷. Примечательно, что в данном случае Изяслав использовал привычный на Руси титул «князь русский», а не «король», как именовал его Григорий VII в своих посланиях⁶⁸. Видимо, не отказываясь от покровительства Святейшего престола, Изяслав считал свою власть (или претензию на киевский престол) легитимной и без подкрепления ее авторитетом папы и не желал попасть в непосредственную зависимость от него. Вообще говоря, факт коронации, благословленной папой, сам по себе еще не означал, что новоиспеченный король автоматически становился вассалом Ватикана. Характер субординации между наместником св. Петра на земле и светскими монархами определялся соотношением сил.

Иной была ситуация с Ярополком. Он родился в единственном законном браке Изяслава Ярославича с польской принцессой Гертрудой, но с точки зрения наследования трона стоял лишь на втором месте в семье⁶⁹. По традиционному порядку престолонаследия его опережал сводный старший брат (впоследствии киевский князь), Святополк Изяславич, мать которого звали Олисовой⁷⁰. В Рим поехал только сын католички Гертруды, имевший родственные связи в Польше и Германии. Из членов княжеского семейства, попавшего в безвыходное положение, один Ярополк имел шанс, получив поддержку Григория VII, переместиться вперед в списке реальных претендентов на киевский стол. Принял ли Ярополк католичество? Исследователи, согласившиеся с аргументами Янина о том, что Гертруда и Олисава – одно и то же лицо, отвечают на этот вопрос положительно⁷¹. Такой вывод опирается на факт изображения св. Петра на оборотной стороне печати Ярополка Изяславича. Крестильное имя «Петр» являлось необычным выбором на Руси. Однако Ярополку и Изяславу не требовалось переходить в католичество для того, чтобы добиться поддержки Григория VII. После «великой схизмы» 1054 г. прошло не так много времени, и ни в Риме, ни в Константинополе не считали разрыв окончательным. Раскол Вселенской Церкви пока оставался в рамках богословских дискуссий между клириками двух христианских центров. До первого крестового похода (1096 г.) и на Западе, и на Востоке твердо верили в единство паствы Христа⁷². Крестоносцы из Западной Европы, завоевавшие Сирию (Антиохию) и Палестину (Иерусалим), в конце XI–XII в. довольствовались каноническим подчинением местных церквей Риму, заменив православных архиереев на католических⁷³. Хронист «Магдебургских анналов» в статье 1147 г. по поводу совместного выступления германских, польских, чешских и русских войск против славян-язычников и пруссов Прибалтики в ходе второго крестового похода писал: «хотя русские и не вполне католики, но все же отмечены именем христиан»⁷⁴. В древнерусской «Кормчей книге» нет указания перекрещивать католиков, считавшихся еретиками, второго чина (т.е. для принятия их в православие было достаточным миропомазание). Не перекрещивали в то время ка-

толиков и греки, требуя от них только произнести Символ веры при их приобщении к православию; равным образом и католики не перекрещивали православных⁷⁵. Перекрещивание православных «схизматиков» в католичество становилось обычной практикой на бывших территориях Византийской империи, отошедших под власть латинян, лишь после взятия в 1204 г. Константинополя крестоносцами⁷⁶.

У Изяслава Ярославича не было причин религиозного характера для отказа от избрания «золотой розы» символом для своей печати. По-видимому, многолепестковая розетка исчезла на княжеских буллах домонгольской Руси не вследствие смены парадигмы их оформления. Она носила индивидуальный характер, который превратил сфрагистическое изображение «золотой розы», полученной от папы римского, в атрибут единственного человека.

Примечания

¹ *Gécsi J. A rózsza és jelképei. Az antik Mediterránium. Budapest, 2006. P. 260–263.*

² Эдем изображался в древнехристианском искусстве сначала четырьмя реками и пальмами, позднее роскошной растительностью и зверями, а потом в виде пышного цветистого сада (Lexikon der christlichen Ikonographie. Allgemeine Ikonographie. Bd. 3. Kol. 364–365, 375–384). Наряду с розой наиболее ранним символом рая, Христа и мученичества стал нивяник. В основу аллегии легли евангельские строки: «подобно Царство Небесное купцу, ищущему хороших жемчужин, который нашел одну драгоценную жемчужину, пошел и продал все, что имел, и купил ее» (Мф. 13: 45–46; Ср.: Biblia Sacra. Vulgata. Stuttgart, 1994. P. 1547). Греческое слово «μαργαρίτης» и его латинский эквивалент «margarita» означает «жемчужина». Нивяник, а также маргаритка и ромашка, принадлежащие к одному и тому же семейству цветов, часто ассоциировались со страданиями Христа и мучеников из-за слезообразной формы их лепестков (Lexikon christlicher. Freiburg; Basel; Wien, 1980. S. 123, 214). Среди ранних примеров изображения креста с розетками выделяется «Сакраментарий Геллоне», изготовленный около 755–787 гг. на территории современной Франции. Одна из его миниатюр демонстрирует распятого и истекающего кровью Христа. Синий крест покрыт стилизованными цветками, образовавшимися из белых точек, расставленных по кругу. Цветки, расположенные под обеими руками Иисуса состоят из красных точек (Фото: *Unterkircher F. Die Buchmalerei. Entwicklung. Technik. Eigenart. Wien; München, 1974. S. 45. Abbildung 16*). Восьмилепестковые розетки типа нивяника/маргаритки и поясное изображение Христа в медальоне украшают крест на таблице, представляющей из себя византийскую резьбу по слоновой кости в «группе Романос» (X век) (Bernward von Hildesheim und das Zeitalter der Ottonen. Katalog der Ausstellung. Bd. 1. Hildesheim, 1993. S. 158. Abbildung 43). Папа римский Лев IX (1049–1054 гг.), считая себя наместником Христа на земле, пользовался буллой с восьмилепестковым нивяником на лицевой стороне (цветок на печати Льва IX очень похож на розетку на окладе новгородской иконы «апостолы Петр и Павел»). Фотографию буллы см.: *Fernando J. de Lasala S.J. Typology of the Papal Seals. Roma, 2003. P. 2*). Цветы, изображенные в Эдемском саду, отождествлялись с мучениками и в греческом (православном) религиозном искусстве. На византийском золотом медальоне (около 1050 г.), хранящемся в музее «Metropolitan» (Нью-Йорк), эмалевый образ Богоматери «Оранта» увенчан необычным нимбом: вместо привычного золотого фона мы видим зеленое поле, в котором среди плетей обнаруживают себя белые точки, имитирующие жемчуги (нивяники? маргаритки? лилии? ромашки?), а также греческие кресты (т.е. четырехлепестковые цветки) красного (розы? лилии?) и синего (левкой? ирисы? иссопы?) цвета (*Szilárdy Z. Ikonográfia – kultuszörtörténet. Képes tanylmányok. Budapest, 2003. Илл. 11: X (фото); p. 330 (описание)*). Белые цветки символизируют мучениц и святых, угодивших Богу бескровными подвигами, а красные представляют мучеников (*Gécsi J. A rózsza és jelképei. A keresztény középkor. Budapest, 2007. P. 15, 20–23, 25, 31*). Святые на эмалевых изображениях греческого обряда венгерской святой короны (1070-х гг.) имеют зеленые нимбы (*Kovács É., Lovag ZS. A magyar koronázási jelvények. Budapest, 1980. P. 28–34, 36, 40–41*). Густая ткань стилизованных плетей в ореолах евангелистов в миниатюрах новгородского «Мстиславова Евангелия» (1103–1117 гг.) указывает на рай (*Лазарев В.Н. О росписи Софии Новгородской // Лазарев В.Н. Византийское и древнерусское искусство. С. 168–169*).

³ Lexikon der christlichen Ikonographie. Allgemeine Ikonographie. (Herausg.: Kirschbaum E.) Bd. 3. Rom; Freiburg; Basel; Wien, 1990. kol. 563–564.

⁴ В IV в. Миланский епископ и отец церкви св. Амвросий развернул с ее помощью метафору разлитой крови мучеников. «Там (в раю. – *III.C.*) левкой исповедников, лилии дев и розы мучеников. И никто не мнил неправильным, что лилии сравнены с ангелами потому, что и сам Христос назвал себя лилией, глаголя: “Я цветок полей и лилия долин!” [ср.: Песн. 2:1]. И хорошо, что лилия – это Христос, ибо где кровь мучеников, там Христос... так как шипы роз суть муки мучеников» См.: *Expositio evangelii secundum Lucan // Sancti Ambrosii Opera*. P. IV. Pragaе; Vindobonae; 1902. P. 338. Перевод мой.

⁵ *Gécezi J. A rózsza és jelképei. Az antik Mediterránium*. P. 283–284, 302–305. Роза могла быть также символом св. Девы Марии (*Lexikon für Theologie und Kirche*. Bd. 9. Freiburg, 1964. S. 44. Влияние западно-европейского барокко можно заметить в иконе «Богоматерь Владимирская – Древо Государства Московского», написанной в 1668 г. (под конец русского средневековья) Симоном Ушаковым. Художник изобразил Богородицу с Младенцем в медальоне, помещенном в середине розового дерева с расцветшими красными цветками // *Лухачев Д.С. Русское искусство от древности до авангарда*. СПб., 2009. С. 209).

⁶ Фотографию см.: *Larousse Encyclopedia of Byzantine and Medieval Art*. London, 1981. P. 152.

⁷ *Bernward von Hildesheim... Bd. 2. Hildesheim, 1993. S. 51. Abbildung II–16.*

⁸ *Ibid.* S. 569. Abbildung VIII–29.

⁹ Псалтирь «E.D. Clarke 15» f. 9^v // *Corpus der byzantinischen Miniaturenhandschriften*. Bd. 1. Stuttgart, 1977. S. 46 (описание); S. 166 (фото).

¹⁰ История культуры Древней Руси. Домонгольский период. Т. I. Материальная культура. М.; Л., 1948. С. 254–255.

¹¹ *Данилевский И.Н. Русские земли глазами современников и потомков (XII–XIV вв.)*. М., 2001. С. 75, 90.

¹² История культуры Древней Руси... Т. I. С. 250.

¹³ *Янин В.Л. Актовые печати Древней Руси X–XV вв.* Т. I. М., 1970. С. 35 (описание); с. 167 (инскрипция); с. 249 (прорись); с. 281 (фото).

¹⁴ Там же. С. 35 (описание), с. 167 (инскрипция); с. 249 (прорись); с. 281–282 (фото). См. также: *Коваленко В.П., Молчанов А.А. Древнерусские сфрагистические памятники домонгольского времени из Чернигова // Российская археология*. 1993. № 4. С. 208.

¹⁵ Кончик скипетра имеет форму копья, но древко доходит лишь до кисти руки человеческой фигуры, изображенной в короне. Янин тоже видел в нем «царскую регалию» (*Янин В.Л. Актовые печати... Т. I. С. 167. № 4*).

¹⁶ Изображение на печатях святого патрона без нимба, а также человеческой фигуры с короной или в княжеской шапке, считается портретом князя – владельца буллы (Там же. С. 34–35).

¹⁷ *Назаренко А.В. Несостоявшийся «триумvirат»: западноевропейская политика Ярослава-вичей (вторая половина XI века) // Назаренко А.В. Древняя Русь на международных путях*. М., 2001. С. 5, 22, 528–529.

¹⁸ Впрочем, бунт против старшего брата духу отцовского завещания тем более не соответствовал и вызывал обличения со стороны игумена Печерского монастыря (Житие Феодосия Печерского // Библиотека литературы Древней Руси. XI–XII века. Т. 1. СПб., 1997. С. 422).

¹⁹ *Янин В.Л., Гайдуков П.Г. Актовые печати Древней Руси*. Т. III. М., 1998. С. 19–20 (описание); с. 113. № 9а (инскрипция); с. 259. № 9а (прорись); с. 308. № 9а (фото).

²⁰ Святослав Ярославич изображен на своей печати № 10 с короной, а на остальных своих буллах с «княжеской шапкой» на голове. См.: *Янин В.Л. Актовые печати... Т. I. С. 34–35 (описание); с. 167–168 (инскрипция); с. 250 (прорись); с. 282 (фото)*.

²¹ Там же. С. 14–33.

²² Четырехлепестковая розетка в виде греческого креста на щите св. Дмитрия (изображение на обруче венгерской святой короны) имеет зеленый цвет (указывающий на рай), как и поле его нимба. См. фото: *Kovács É., Lovag ZS. A magyar koronázási jelvények*. P. 23, 30, 41.

²³ Розетка имеет золотой цвет. См.: История русского искусства. Т. I. Искусство X – первой половины XIX века. М., 1991. Илл. II.

²⁴ Повесть временных лет // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 1. СПб., 1997 (далее – ПВЛ по Ипатьевскому списку). С. 220.

²⁵ *Das Register Gregors VII. I. (Buch I–IV)*. Berlin, 1920. P. 235. II, 73. (MGH Epistolae selectae. T. II. Fasc. 1).

²⁶ *Ibid.* P. 236–237. Русский текст представлен на основе перевода Назаренко (См.: *Древняя Русь в свете зарубежных источников*. М., 1999. С. 363–364).

²⁷ *Ibid.* P. 236–237.

²⁸ Ibid. S. 237. II, 74; Древняя Русь в свете зарубежных источников. С. 364.

²⁹ Янин В.Л. Русская княгиня Олисава-Гертруда и ее сын Ярополк // Нумизматика и эпиграфика. Т. IV. М., 1963. С. 157–158, 162.

³⁰ Wielka Historia Polski. T. I. Cz. II. Dzieje Polski piastowskiej (VIII wiek – 1370). Kraków, 2003. S. 487.

³¹ Grudziński T. Boleslaus the Bold, called also the Bountiful, and Bishop Stanislaus: The Story of a Conflict. Warsaw, 1985. P. 58–65.

³² В обмен на оказание военной помощи Изяслав Ярославич вернул Болеславу Червенские города, которые были завоеваны и присоединены к Руси его отцом Ярославом Владимировичем в 1031 г. См.: Grudziński T. Boleslaus the Bold. P. 61.

³³ Янин предположил, что те печати из группы с не идентифицированными владельцами, реверс которых носит поноеное изображение Богоматери «Оранта», а на аверсе имеется портрет св. Дмитрия или св. Петра, принадлежали Изяславу Ярославичу и его сыну, Ярополку Изяславичу во время их эмиграции в Западной Европе. См.: Янин В.Л. Актовые печати. Т. I. С. 150, 276 (№ 315, 316); Основа этой гипотезы – атрибуция святых патронов и размер печатей. Речь идет о находках, обладающих диаметром, одинаковым с княжескими буллами XI в., но большим, чем диаметр архиерейских печатей XII в. Однако Янин не объяснил, почему Изяслав и Ярополк поместили на своих княжеских буллах изображение Богоматери того типа, который с начала XII в. использовался на митрополичьих и епископских печатях в качестве эмблемы русской Церкви. Предположение Янина тем более противоречиво, поскольку, как он полагает, Ярополк перешел в католичество в годы своего изгнания.

³⁴ Изгнание с престола в 1068 г. осталось для него лишь неприятным интермеццо, которое продолжалось едва дольше семи месяцев. Обработка матрицы требовала кропотливого труда и заняла длительное время. Поэтому преобразование символики я отношу к периоду изгнания 1073–1077 гг.

³⁵ ПВЛ по Ипатьевскому списку. С. 236.

³⁶ Янин В.Л. Актовые печати... Т. I. С. 35.

³⁷ Сужу на основе издания «Corpus der byzantinischen Miniaturenhandschriften. Bd. 1. Stuttgart, 1977. Bd. 3.1 (Text). Bd. 3.2 (Tafeln). Stuttgart, 1982», представляющего византийское рукописное собрание библиотеки «Bodleian» в Оксфорде.

³⁸ Гордиенко Э.А. Розетка на печатях князя Изяслава Ярославича // История и культура древнерусского города. М., 1989. С. 235, 237, 238.

³⁹ Там же. С. 236.

⁴⁰ Логвин Г.И. Софія Київська. Київ, 1971. Фотографии № 269, 270.

⁴¹ Гордиенко Э.А. Розетка на печатях... С. 235, 238.

⁴² Фотографии см. в сборнике: Древнерусское искусство. Византия, Русь, Западная Европа: искусство и культура. СПб., 2002. С. 81, 84, 85.

⁴³ Гордиенко Э.А. Розетка на печатях... С. 238–239; она же. Серебряный оклад иконы «Апостолы Петр и Павел» и особенности новгородской литургии в XII в. // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. XXIII. Л., 1991. С. 156, 157.

⁴⁴ Смирнова Э.С. О первоначальной композиции и иконографической программе серебряного оклада XI в. иконы «Апостолы Петр и Павел» из Софийского собора в Новгороде // Древнерусское искусство. Византия, Русь, Западная Европа: искусство и культура. СПб., 2002. С. 79, 93. Что касается сходства многолепестковых розеток на буллах Изяслава Ярославича и на окладе иконы «Апостолы Петр и Павел», то необходимо учесть, что лепестки расположены на печати в двух концентрических окружностях, а на окладе в одной. Они различаются и по форме. Однако обработка точечного ободка действительно сходна.

⁴⁵ Biedermann H. Knaurs Lexikon der Symbole. München, 1989. S. 498.

⁴⁶ Enarratio in Psalmum XLVII // Sancti Ambrosii, mediolanensis episcopi, opera omnia. T. 1. P. 1. Paris, 1866. Kol. 1201 (Patrologiae cursus completus. Series latina. T. XIV. Ed.: Migne J.P.). Перевод мой.

⁴⁷ Согласно надписи в миланской церкви св. Феклы, «в этом числе подобало возникнуть залу святого крещения... Спешат сюда и святые. Никто не может быть святым без причастия к этой воде, в ней есть Божье Царство и указание, слава истины» (Dölger F.J. Zur Symbolik des altchristlichen Taufhauses. I. Oktogon und die Symbolik der Achtzahl. 1. Die Inschrift im Baptisterium der Theklakirche von Mailand im Einklang mit der Theologie des Ambrosius // Dölger F.J. Antike und Christentum. Bd. 4. (2. Aufl.) Münster, 1975. S. 155). Перевод мой.

⁴⁸ Гордиенко Э.А. Розетка на печатях... С. 237.

⁴⁹ Янин В.Л., Гайдуков П.Г. Актовые печати Древней Руси. Т. III. С. 19.

⁵⁰ Там же. С. 259 (прорись); с. 307 (фото); *Янин В.Л.* Актовые печати... Т. I. С. 249 (прорись); с. 281 (фото).

⁵¹ О гипотезе договоренности между Всеволодом Ярославичем и Святополком (старшим сыном Изяслава Ярославича) по поводу порядка наследования престола после смерти Изяслава см.: *Кучкин В.А.* «Съ тоя же Каяли Святоплкъ...» // *Russia Mediaevalis*. Т. VIII. 1. München, 1995. S. 111–113.

⁵² *The Oxford Dictionary of the Christian Church*. London; N.Y.; Toronto, 1974. P. 579.

⁵³ *Encyclopedic Dictionary of Religion*. Vol. F–N. Philadelphia, 1979. P. 1518.

⁵⁴ *New Catholic Encyclopedia*. Vol. VI. N.Y.; London, 1967. P. 599–600.

⁵⁵ *Oljančin D.* Zur Regierung des Großfürsten Izjaslav-Demeter von Kiev (1054–1078) // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. Bd. 8. Heft 4. München, 1960. S. 405–406.

⁵⁶ Однако, вероятнее всего, не знаменитая маленькая скульптура из Ватикана или цветок натуральной розы послужили образцом для резчика матрицы печати, а какое-нибудь существовавшее уже до того времени произведение искусства. Схожие изображения розеток обнаруживаются среди рельефов, сделанных в конце XII в. на фасаде собора св. Доннино в северо-итальянском городе Фиденца (в регионе Эмилия-Романья). Цветное фото соответствующей части фасада см.: *Gécci J.* A rózsza és jekképei. A keresztény középkor. P. 64. Розетки фасада собора в Фидензе имеют по шесть лепестков, размещенных в двух кругах. Каждый из лепестков украшен врезкой сверху. Итальянские мастера Средних веков и эпохи Ренессанса брали в образец предметы орнаментального искусства Римской империи и Византии. Четырехлепестковые розетки, вырезанные на щитах гвардейцев, изображенных на колонне римского императора Антонина Пия, по своей форме могли бы считаться предшественниками розеток среди рельефов собора в Фидензе. Фотографию см.: *Gécci J.* A rózsza és jekképei. Az antik Mediterránium. P. 286.

⁵⁷ *Янин В.Л.* Русская княгиня Олисава-Гертруда... С. 159.

⁵⁸ В избрании своего папского имени кардинал Гильдебранд руководствовался авторитетом св. Григория I Великого (590–604 гг.). См.: *Fernando J. de Lasala S.J.* Typology of the Papal Seals. P. 3.

⁵⁹ *Поптэ А.В.* Русские митрополиты Константинопольской патриархии в XI столетии // *Византийский временник*. Т. XXVIII. 1968. С. 97–108; Т. XXIX. 1968. С. 101; *Назаренко А.В.* Несостоявшийся «триумvirат»... С. 545.

⁶⁰ ПВЛ по Ипатьевскому списку. С. 222.

⁶¹ *Приселков М.Д.* Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси. X–XII вв. СПб., 1913. С. 139–140.

⁶² Житие Феодосия Печерского. С. 420, 424.

⁶³ *Приселков М.Д.* Указ. соч. С. 149.

⁶⁴ *Papadakis A., Meyendorff J.* A keresztény kelet és a pápaság felemelkedése. Budapest, 2002. P. 113.

⁶⁵ *Янин В.Л.* Русская княгиня Олисава-Гертруда... С. 160.

⁶⁶ Древняя Русь в свете зарубежных источников. С. 364. Перевод с латыни А.В. Назаренко.

⁶⁷ *Lewicki A.* Napis na paliuszu z XI wieku // *Kwartalnik Historyczny*. Rocznik VII. Lwow, 1893. S. 447.

⁶⁸ Между тем западноевропейские источники обычно придают князьям Руси титул «гех» (король). См.: *Ibid.* С. 333–334.

⁶⁹ *Кучкин В.А.* «Съ тоя же Каяли Святоплкъ...» С. 108.

⁷⁰ Янин отождествил православную патронессу Гертруды со святой Олисовой, и те печати из серии княжеских булл, которые представляют на аверсе портрет мученицы св. Елисаветы (Олисавы), а на реверсе архангела Гавриила, считал буллами Гертруды, использованными ею на Руси. Историк пришел к выводу, что вдова Изяслава Ярославича заказала этот тип печати в период, когда она жила у своего сына на Волыни (православное имя Ярополка – Гавриил). Тот факт, что в молитвах «Кодекса Гертруды» (который относится Яниным к 1075–1077 гг., когда семья Изяслава Ярославича скиталась по Западной Европе) княгиня неоднократно называла Ярополка «своим единственным сыном», хотя, как и Святополк, так и рано умерший Мстислав, родились, по убеждению историка, от польской жены Изяслава Ярославича, он объясняет тем, что Гертруда была католичкой, а из сыновей Изяслава католичество принял лишь Ярополк во время визита в Рим, чтобы способствовать оказанию поддержки со стороны папы. Впрочем, после приезда обратно на родину Ярополк, по мнению историка, вернулся в православие (*Янин В.Л.* Русская княгиня Олисава-Гертруда... С. 157–160, 164; *он же.* Актовые печати. Т. I. С. 130). С весомыми контраргументами выступил А.В. Назаренко. Он указал, что среди сохранившихся молитв в «Кодексе Гертруды» нет ни одной, которая была бы посвящена мученице св. Елисавете

(Олисава). Это имя не упоминается в сборнике вообще, в то время как адресатом нескольких молитв подряд является «Елена, мать императора Константина», чей памятный день отмечен в календаре католического молитвенника согласно числу ее православного праздника (21 мая). Владелица «Кодекса Гертруды» называет себя «рабой» св. Елены. Православное имя Гертруды, видимо, было Елена. Гертруда и Олисава, следовательно, разные лица. Назаренко предполагает, что Олисава (Елисавета), мать Святополка Изяславича, была одной из наложниц князя Изяслава. (Назаренко А.В. «Unicus filius meus»: происхождение Святополка Изяславича и проблема близкородственных династических браков как инструмент генеалогического исследования // Назаренко А.В. Древняя Русь на международных путях. С. 566–570). Предположение о том, что дети Изяслава Ярославича произошли от двух браков, первым выдвинул А.А. Бобринский (Бобринский А. Киевские миниатюры XI в. и портрет князя Ярополка Изяславича в псалтири Екберта, архиепископа трирского. СПб., 1902. С. 17). Однако это не уменьшало его шансы занять княжеский стол, так как на Руси были еще сильны устои обычного права. Булла, приписываемая Яниным Гертруде, не могла принадлежать польской вдове Изяслава Ярославича. То, что у Гертруды не было другого сына, кроме Ярополка, подтверждается и текстом «Повести временных лет» (ПВЛ по Ипатьевскому списку. С. 242).

⁷¹ Щавелева Н.И. Князь Ярополк Изяславич и христианская церковь XI в. // Восточная Европа в древности и средневековье (X Чтения к 80-летию члена-корреспондента АН СССР Владимира Терентьевича Пашуто. Материалы конференции. Москва, 15–17 апреля 1998 г.) М., 1998. С. 134.

⁷² Papadakis A., Meyendorff J. Op. cit. P. 154–155.

⁷³ Ibid. P. 134–137, 140–144.

⁷⁴ Annales Magdeburgenses // Monumenta Germaniae Historica. Scriptores. T. XVI. Hannover, 1859. P. 188.

⁷⁵ Papadakis A., Meyendorff J. Op. cit. P. 464.

⁷⁶ Ibid. P. 289–290.

© 2012 г. Э. Л. ДУБМАН*

РЫБОЛОВЕЦКИЕ ПРОМЫСЛЫ ЮГО-ВОСТОКА ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССИИ В КОНЦЕ XVI – НАЧАЛЕ XVIII ВЕКА

Присоединение Среднего и Нижнего Поволжья оказало мощное системообразующее воздействие на последующее развитие Российского государства. Одним из важных следствий этого процесса стало появление у страны уникального промыслового рыболовецкого района, обеспечивающего своей продукцией потребности населения как новых, так и «старых» густонаселенных территорий Европейской России¹. Развитие рыбных промыслов во второй половине XVI – XVII в. заложило основу для складывания в дальнейшем одного из наиболее крупных мировых центров добычи ценных сортов рыбы. «Все европейские морские рыболовства в сравнении с рыболовством Каспийского моря могут быть названы незначительными, – резюмировали сотрудники экспедиции академика К.М. Бэра, проработавшие в середине XIX в. большую работу по изучению рыбных ресурсов России. – Нигде в Европе лов рыбы, особенно красной, не производится в таких громадных размерах, не составляет столь важной отрасли государственного хозяйства, не приносит существенных выгод и правительству, и народонаселению государства, как рыболовство Каспийского моря и впадающих в него рек: Волги, Урала, Куры и других менее значительных»².

С точки зрения развития промыслового рыболовства вся водная акватория Северного Каспия, Волги от впадения Камы, нижнего и среднего течения Камы, Урала (Яика)

* Дубман Эдуард Лейбович, доктор исторических наук, профессор Самарского государственного университета.